Ярослав Питерский

КАРАКУЛЬ

18+

Ярослав Питерский

КАРАКУЛЬ

«Автор»
2026

Питерский Я.

КАРАКУЛЬ / Я. Питерский — «Автор», 2026

Самый "разгар "застоя". 70-ые "брежневские" годы. Время поголовного дефицита! Сибирь. Зима 1976 год. Областной центр РСФСР. У Обкома партии встречаются Первый секретарь и местный радиожурналист. Партийного чиновника смущает, что журналист ходит в 30-ти градусный мороз без шапки! Журналист признаётся, что шапку себе не может купить потому что в продаже нет нормальных головных уборов, да и к тому же у него слишком большой размер головы! И найти такую шапку просто не возможно в торговых точках города! Первый секретарь Обкома даёт команду к его приезду с партийного съезда найти журналисту шапку! И чтобы журналист встретил его в новой шапке на аэродроме. И тут начинается настоящий трагифарс советской торговли, блата и дефицита! Смешно и грустно одновременно! Особенно будет интересно читателям которые никогда не жили в СССР и про дефицит там, знают лишь по рассказам старших!

© Питерский Я., 2026
© Автор, 2026

Ярослав Питерский
КАРАКУЛЬ

КАРАКУЛЬ
Трагифарс

Про советского человека с большим размером головы!

Все события вымышлены, совпадения имён и фамилий могут быть случайны, за что автор ответственности не несёт

1976 год. Февраль.
Город Белоярск.
Краевой центр РСФСР

«Сделать наивысшую выработку нормой каждого дня!»
Девиз делегата XXV съезда КПСС В.И. Погибелевой

Белая пелена. Хмарь. Мороз. Солнце еле видно сквозь простыню холодного воздуха. Так, бело - жёлтое пятно. Как на Марсе. В тропиках «красной» планеты, где температура всегда не выше минус сорок по Цельсию. Холод беспощаден. Это только кажется, что он может отступить. Нет. Холод придёт и охватит тебя всего!

Дай только время.

Он обязательно придёт. Заморозит. Умертвит и сделает вечным.

Ведь холод это и есть вечность. Никакого гниения и процессов эволюции. Тысячелетия безмолвия и вечности. Холод. Он такой, он всемогущий….

Высокое серое здание. Колонны. Толстые основательные. Как ноги слона. Нет, толще и больше. Как ноги гигантского слона. Серость стен и утренний морозный морок перекликаются. Высокое крыльцо с бетонными бесконечными ступенями. Где-то вдалеке жёлтая рама массивных дверей с резными ручками. Красные кляксы вывесок сбоку. На вывесках золотые буквы. Их никто не читает. Но все знают, что там написано:

«БЕЛОЯРСКИЙ КРАЕВОЙ КОМИТЕТ КПСС»
«ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
КРАЕВОГО СОВЕТА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ БЕЛОЯРСКОГО КРАЯ»

Надписи пугают простых людей. Надписи в этой стране иллюзия. Мало ли что написано? На вывесках магазинов? Например:

«МЯСО»

Но мяса там в 1976 не всегда можно найти. Особенно качественного. Свиного, или говяжьего. Не говоря уж об оленине, или конине. Или реклама на полдома:

«ЛЕТАЙТЕ САМОЛЕТАМИ АЭРОФЛОТА!»

Хм, как будто можно летать самолётами другой авиакомпании? Например: буржуйскими: «Lufthansa», или «Pan American». Лозунги. Они фальшивы в этой стране. Как и слова на забо-

рах. Матерные, злые. Но никак к обычной жизни не относящиеся. Так, метки. Буквы. Они в жизни людей ничего не решают. Слова. Лозунги.

«ЗА ЛЕНИНСКОЕ ОТНОШЕНИЕ К ПРИРОДЕ!»

Кто придумал это лозунг? Пионеры Базаевской средней школы из Башкирии? Как будто все остальные не по-Ленински относятся к природе? Да и как Ленин относился к природе? Он что, не ходил и не гадил, не справлял большую и малую нужду за шалаш в разливе – когда там скрывался от жандармов? Он что не мусорил в лесу?

Смех. Лозунги. Они вообще зачем?

Они никак не относятся к реальной жизни. И тем не менее. Они есть!

Они множатся. Они добавляются. Они рождаются и процветают. Без них никуда. Живите люди своей жизнью. Но с лозунгами. Так легче! Легче! Вот прочитал и немного отпустило…

«ОТ ЭТАЛОННЫХ БРИГАД – К ЭТАЛОННЫ ОБЪЕКТАМ!»
«НАСЫТИМ ТОВАРАМИ ПРИЛАВКИ!»

Мужчина стоял и всматривался в даль. На этом огромном крыльце даль была практически не видна. Так пелена. Где-то там, серый столб большого памятника. Ильич гранитный. Высокий и могучий. Он не мёрзнет. Он ведь памятник! Он вождь! Вечный вождь! Хотя стоит на постаменте в пальтишке демисезонном и кепке. Зимой это смотрится немного нелепо. Зато летом! Летом другое дело. За памятником Ильичу - площадь. Аллея и вдалеке широкая незамерзающая река. Она не замерзает уже 10 лет. Не смотря на мороз и стужу. Не смотря на Сибирь и климат. Так захотел человек. Он построил плотину и превратил реку зимой - в кипящий котёл. Вода падает с высоты 100 метров и почти кипит на тридцатиградусном морозе. Тот пытается её сковать. Но тщетно. Пар. Река не замерзает на сотни километров вниз по течению. Река осталась без сна. Она, как медведь шатун - бурлит зимой своими чёрным водами и злится на людей. За их вмешательство. Злится и мстит влажностью и туманами над большим городом.

Мужчина подумал сейчас именно об этом. Он подумал о реке. О реке, как о живом существе. Подумал и смутился.

«Как-то это не по-советски, не по партийному думать о реке - как о живом существе! Река она и есть река. Вода. И все. Течёт себе и течёт. Захотим и покорим! Мы советские люди!»

Коренастый, с пивным животиком, небольшого роста. С хорошо выбритым ухоженным лицом. Серые глаза. Немного пухловатые щеки. Губы слегка вздернуты. Нос картошкой. Внешний вид вполне миролюбивый. Единственное, что немного уродует внешность – ранняя лысина. Большая, как озеро в тайге. Блестящая. Мужчина тщетно пытается на неё зачёсывать прядь волос с правого бока. Там, где они ещё есть. Там, где они похожи на болотистую опушку и леса. Но это выглядит немного комично. Мужчина внутренне стесняется этого «озера» посреди черепа. Комплексует, хотя и не показывает вида. А его подчинённые даже и намёка не дают, что интересуются его недостатками в волосяном покрове. Не интересуются! Никогда! Это опасно… хотя больше не прилично. Или наоборот. Мужчина очень важный Прям очень! Важней него в этом городе, да что там в городе - в крае нет никого! Ведь этот коренастый мужичок – Первый Секретарь Крайкома КПСС!!!

Вот так!

Но сейчас лысина спрятана под шапкой. Дорогой солидной шапкой из норки. С ушами. Блестящей и тёплой.

Да, и ещё была у этого всесильного человека слабая сторона. Вернее, даже не сторона, а в общем, фамилия Первого Секретаря была не очень солидная. На такой должности фамилия имеет значение. А у мужчины бал очень прозаичная украинская фамилия – Кутько!

Да, да - КУТЬКО!

Ну что это за фамилия для такого человека? Кутько… куцая смешная. Прям, как кличка какая-то. Угораздило же предкам его такую фамилию получить.

КУТЬКО!

Смех, позор. Но фамилию, как и Родину не выбирают. Поэтому первый секретарь Кутько, как бы смирился и лаже где-то внутри себя старался доказать – что гордится этой фамилией. Но не только фамилия смущали его. А ещё и имя, и отчество…

Звали Первого Секретаря Краевого комитета КПСС – Арнольд Евграфович!

Язык сломать можно. АРНОЛЬД ЕВГРАФОВИЧ… ну что это такое?!

Отец зачем-то навал его Арнольд. Словно издевался над сыном. Словно мстил своему отцу – деду Арнольда за имя – Евграф! Хотя самого деда звали – Степан Кутько. Обычный крестьянин Винницкой губернии. А вот… сын. Сын был уж Евграф. И Евграф оправдал своё имя. Задумывался ли безграмотный Степан Кутько, что, называя таким греческим именем своего сына, он не произвольно хочет воплотить свою мечту о грамоте! Ведь Евгра́ф (Евгра́фий, Егра́ф) — означает «хорошо пишущий», «благописец», либо, по другой версии, — «благое писание», «благонаписанный», «благоначёртанный». В общем человек владеющий грамотой и письменностью. Возможно и такте имя дал отцу местный поп в церкви. Дал и не промахнулся…

Евграф Кутько стал хорошим писакой! Правда писал не романы, а протоколы. Выучившийся грамоте Евграф, начитался революционной литературы и примкнул к смутьянам - желавших скинуть царя. А тут началась война 1914-го, и революция 1917-го поспела. В общем Евграф новой власти пригодился. Причём очень хорошо. Пошёл Евграф работать в Че - Ка! Потом потихоньку стал важной шишкой и старшим следователем сначала ГПУ, а затем и НКВД! Выбился так сказать в люди! Сначала папаша трудился на благо родины в Киевском НКВД. Потом получил повышение и семья уехала в Ленинград. Ну, а там война, пришлось эвакуироваться. Про сына, который родился ещё в Киеве отец не забывал. В Куйбышеве, где семья провела почти всю войну – Арнольд уже получил закалку юной парт элиты – ходил в школу вместе с детьми эвакуированных членов правительства страны. Папаша на фронте не был, но нужную работы вёл в управлениях НКВД прифронтовых городов и областей. Ну, а уж после войны сам бог велел Арнольду пойти по стопам отца!

Но Арнольд Евграфович быть энкадэшником не захотел. Поступил в институт Народного Хозяйства имени Плеханова. Отец тоже противиться не стал. Видно знал и понимал, что НКВД и МВД не лучшие «лифты» для карьеры. Можно и сорваться, как говорится. А вот управленцы, управленцы всегда были нужны. И везде. И выбор сына ему понравился. Как мог он помогал отпрыску, пока не ушёл на почётную пенсию. Ну, а сын… сын вступил в партию, ещё в институте. И его захлестнула эта партийная игра в подчинённого и начальника. Играл он в неё умело и яростно. И конечно с помощью папашиных связей быстро пошёл в гору по партийной лестнице. Сначала должности вторых секретарей в райкомах и горкомах Комсомола. Затем должности инструкторов Горкомов КПСС. Ну и наконец Второй секретарь обкома. Сначала в Томске, потом в Новосибирске. И вот! Вот венец его карьеры! Первый Секретарь целого края в Сибири! Причём какого края! На пол Европы раскинувшегося от ледяного Северного Ледовитого океана до южных рубежей Родины Целое государство в государстве! И он главный! Уже второй год занимает эту должность! И не просто занимает, а кое-какие успехи достиг! И в показателях, и вообще! На хорошем счету не где ни будь, а на Старой площади! В ЦК КПСС про него хорошее говорили! Отец - то снабжал иногда данными по старым каналам!

Арнольд Евграфович был человек умный. Начальника и самодура не включал. Наоборот. Ему нравилась эдакое звание «хозяина из народа». Хозяина и старшего друга! Он, например, ходил на работу в Крайком пешком. Благо его элитная квартира была совсем рядом с Первым зданием края. По дороге нередко разговаривал, то с дворниками, то просто с прохожими. В общем он хотел быть Первым Секретарём всего народа, а не только партийцев! И это давало

свои плоды. Люди это замечали и отмечали как плюс большому начальнику. Бывало и чаянья свои и проблемы доносили ему. Бывало жаловались на его подчинённых. Кутько все внимательно анализировал. И когда это было надо – даже показательно наказывал! Напрямую конфликтовать Кутько не любил. Все старался делать как бы «по закону» и «по совести». Так меньше врагов наживёшь! И по жизни, и по партийной линии! Этому ещё отец его учил. А тот был дока в кабинетной борьбе бульдогов! Шутка ли чистки НКВД ещё при Ежове прошёл! Кутько-младший брал самое рациональное из опыта отца и адаптировал к нынешней ситуации. И это работало!

В общем Кутько был неплохим руководителем. Он упивался этой должностью и планировал многое, многое в этой жизни…

Но сейчас на носу было особо важное событие. В начале февраля в Москве должен был открыться XXV съезд КПСС! А это очередной толчок может быть его карьере! Конечно участвовать там и более того – общаться с партийным олимпом ЦК КПСС – редкостная удача. Кутько буквально жил предстоящим событием в его жизни.

Вот и сегодня Кутько решил немного пройтись по улице чтобы поговорить с людьми. Завтра ему предстояла кратковременная командировка в Москву – нужно было проверить как готовится делегация от его края к съезду! Вернее, как готовят все к делегации! Проверить все! Что бы все от его края – было идеальным. Ну и конечно знать, чем дышит обычный народ – тоже хорошо. Иногда так сказать – довести до руководства «настроения и мысли простого советского человека» – хороший ход!

Кутько набрал воздух в лёгкие и медленно двинулся вниз по лестнице от Крайкома. Ступени были хорошо очищены. Безо льда. Арнольд Евграфович отметил это для себя. Дворники убирали главную парадную лестницу края на совесть! Ещё бы он не убирали! Вернее, их начальники не следили – как они убирают. Кутько заложил руки в дорогих кожаных перчатках за спину и медленно шагал вниз.

В народ! В народ!

Арнольд Евграфович невольно ухмыльнулся, и томная улыбка наползла на его лицо. Черт возьми это приятно вот так спускаться к простым добрым людям и быть нужным им! При это чувствовать свою историческую миссию и свой номенклатурный вес! Чувствовать, что ты хозяин! Начальник! Правда - добрый и справедливый!

Народ и партия едины! И это не на словах! Это на деле!

Хорошие мгновения. Кутько их любил.

Но вдруг все закончилось.

Серая тень метнулась справа из-под большой ели. Нелепый силуэт человека оказался рядом с Первым Секретарём. Высокий, худой с нереально огромной, как круглый домашний аквариум - головой. Эдакий человек спичка с огромным куском серы на конце. Дополняла нелепый вид этого человека его причёска. Вернее, шевелюра. И без того большая голова смотрелась ещё больше из-за пышных, чёрных волос, завитых в мелкую стружку. Прям, как шерсть у барана. Натуральная копна густых локонов похожих на руно. Прям Анджела Дэвис в мужском обличии. Голова – планета гигант! Юпитер!

Ужас!

Крючковатый нос. Смуглая кожа. И длинный красный, шерстяной шарф, обвязанный петлей вокруг тонкой морщинистой шеи. Внимательные большие, злые карие глаза и длинные крючкообразные руки. Высокий и сутулый, он как паук навис над крепышом - Первым секретарём. Тяжёлое дыхание и горячий воздух вылетающий изо рта клубами пара дополнили картину разочарования.

— Здравствуйте Арнольд Евграфович! – словно прокаркал этот нелепый человек.

Кутько поморщился. Невольно. Хотя не хотел показывать своего недовольства. Но не смог. Гримаса раздражения наползла на щеки Первого Секретаря.

— Здрасте, – буркнул он в ответ головастику.

— Знаю, вы в Москву улетаете, вот пришёл позвать вас на прямой эфир! Сегодня! Очень важно! Нужно в семь вечера выступить!

Кутько как-то с неохотой прикрыл глаза и тяжело выдохнул. Он вновь набрал в лёгкие воздух и как-то нелепо задержал дыхания – не зная, что ответить.

— Отказаться нельзя! – давил головастик.

Кутько вновь поморщился. Головастиком был журналист краевого радио. Бессменный ведущий вечерней программы «День края». Популярный у радиослушателей человек. Его голос знали многие жители региона! И многие помнили его фамилию! Ну как тут забудешь? Имя и фамилия ведущего были:

ГИДОН ВАЙГЕЛЬМАН!

Да! ДА! Гидон Вайгельман! Ну, вот вы простой советский человек из глубинки, слушаешь радио. Вроде грамотный ведущий, вроде говорит красиво. Низкий голос, как у Левитана. И вдруг в конце передачи он говорит:

«*С вами был Гидон Вайгельман! До встречи в эфире!*»

Что можно подумать? Ты слушаешь вражьи голоса? «Голос Америки»?

Какой на хрен Гидон Вайгельман на краевом советском радио?

Нет! Не может быть!

И ты вновь потом включаешь радио на следующий день, что бы удостовериться – показалось тебе или нет?

НЕТ! Не показалось!

«*С вами был ГИДОН ВАЙГЕЛЬМАН!*»

А-а-а! Вот это да!

И ты вновь и вновь хочешь слушать эту программу. Говорят, там интересно. Иногда на острые темы. И говорят открыто вроде. И в конце магическое…

Гидон Вайгельман!

Простой советский человек конечно ухмыляется. Немного корчит в сарказме физиономию. Вздыхает и в пол голоса может даже шутит:

«Если в кране нет воды воду выпили жиды…»

В пол голоса на кухне. Шутить в открытую нельзя! Это неприлично! Называть евреев – «жидами»!

У нас многонациональное советское государство! Где все нации равны! И узбеки, и таджики, и чукчи, и евреи… Но! Ты невольно хочешь вновь пробурчать это песенку «про воду и жидов».

Она вроде не обидная. Смешная. Никто даже не задумывается о сути. А суть страшна! По сути абсурд: «во всем виноваты евреи!». Во всех бедах! Во всех неудачах!

Вот напился ты, прогулял - «Евреи якобы спаивают русский народ»!

Или нассал в подъезде кто-то - «Евреи якобы виноваты! Это они!».

Евреи. Звучит как-то обличительно и уныло. На них можно все списать.

Никто из советского народа никогда себе в открытую не признается: «я антисемит!». Нет. Ну, какой антисемит? Многие даже не знали значение слова «антисемит»! Некоторые думали это матершинное ругательство. И хотя власти заявляли - мол «СССР самая читающая страна в мире»! Не деле все было немного не так. Самая читающая страна не значит - самая начитанная и образованная!

И все называли себя интернационалистами!

Все любили африканские народы!

Все любили азиатские народы! Кубинцев! Латиноамериканцев!

Арабов! Да этих «мучеников - палестинских арабов»!

Которых угнетали - местные евреи из Израиля! Из враждебного СССР - Израиля! Так гласила официальная советская пропаганда!

Но советские евреи - они не такие! Он не могут быть такими! Ведь они часть великого советского народа!

Это обычные люди! Как якуты или молдаване!

Мы интернационалисты! И не любить евреев мы не можем! Мы не можем ненавидеть людей за их национальность и происхождение!

Я люблю евреев!

Мог сказать любой советский человек у кого в крови не было еврейской крови.. а на деле?...

Какое то средневековье!

Просто… просто «они виноваты во всём»! А почему… а вот это уже… вопрос второй.

И вообще: «Тебе что наша власть не нравится?!».

Мало кто может, вот так сказать в открытую: «ты жид пархатый!».

Нет. Могут конечно. По-пьяне. Невменяемые. Когда слова уже не контролируются. Ну или скандальные отмороженные тётки - в пылу драки за очередь, или дефицитом!

Мужики с красными пропитыми рожами. Пьяные и разухабистые! Драчуны! Они, приняв на грудь граммов триста водки, могут так сказать!

Гадость про евреев!

И проорать песню! Песню Высоцкого! Семёныч тоже про еврея Мишку Шифмана спел! Да как спел! Какие слова!

Мишку Шифмана не трожь,
С Мишкой — прочь сомнения:
У его евреи сплошь —
В каждом поколении.
Вон дед параличом разбит —
Бывший врач-вредитель...
А у меня — антисемит
На антисемите!

Хотя сам Владимир Семёныч по происхождению говорят... был полукровка и наследовал еврейскую кровь!

Они не хотели верить и что Великий Ленин - был на четверть или, может на одну восьмую - евреем!

Про Карла Маркса вообще помалкивали...

Но это была официально закрытая секретная информация!

Гостайна! И кто болтал эту «чепуху» мог загреметь в КГБ где бы ему разъяснили - что нужно говорить про великого вождя пролетариата мира - Владимира Ильича!

Но русские люди не хотели в это верить!

Но на утро… все равно стыдно. Они ведь не антисемиты…

Советский народ не может бы антисемитом! Он добрый! Он всем рад! Даже евреям…

Смешно. Грустно? Нет спорно.

Такие же сомнения одолевали Первого Секретаря. Где-то в глубине души он недолюбливал «людей этой национальности»…

Ну этой. Называть её лишний раз не хотелось.

Не надо мусолить воздух!

Смешно, но Кутько даже не хотел произносить слово – «еврей». Как будто оно было матерное! А так: «людей этой национальности!» А там разберись – какой? Может эстонцев! Говорят, они очень «тормозные». Европейские чукчи!

Кутько, иногда мысленно рассуждал на эту национальную тему. Но в разговорах никогда не давал повода себе даже намекнуть человеку, что тот еврей. Даже пошутить. НИКОГДА!

Кутько – интернационалист. Коммунист с большой буквы!

Правда в душе червоточина сомнения. Евреи. Ну почему, все они не хотят быть просто: рабочими, колхозниками? А обязательно лезут на «тёплые» должности?

В торговле? В науке? В музыке?

Почему?!!!

Евреи… почему они, многие из них, хотят уехать из нашего великого государства СССР?! Государства – которое дало им всё?! Образование, квартиры, положения! И все равно уехать! Уехать! И куда? На «историческую Родину»? Туда в этот ад палестинской войны? Зачем?

И опять Высоцкий ответил:

Я сперва-то был не пьян,
Возразил два раза я —
Говорю: "Моше Даян —
Сука одноглазая.
Агрессивный, бестия,
Чистый фараон.
Ну, а где агрессия —
Там мне не резон"

Евреи… сложный вопрос. Как для Первого секретаря, так и для остального советского народа.

А вот этот самый… Гидон Вайгельман!

Настырный! Не стеснявшийся: ни своего имени и фамилии, ни национальности! Настырно, на равных разговаривающий с начальством! Задающий нередко острые неудобные вопросы! И не где ни будь! А в прямом эфире! Краевое радио и его программа! Иногда так хотелось закрыть её! Уволить с глаз долой этого еврейского головастика! Решить эту проблему кардинально!

Но НЕТ!

Кутько не такой! Он мудрый и справедливый! Никакого давления! Только убеждения и ласка! Ну в крайнем случае – намеки! Очень абстрактные! Нет! Пусть будет! Пусть все знают – у Кутько евреи могут спокойно работать и даже представляться своими корявыми именами и фамилиями!

Пусть будет!

Хотя конечно если надавят из Москвы, не удержать. Придётся пожертвовать этим Гидоном-бидоном…

Но, пока тишина. Нет окриков и замечаний. А значит нужно быть вежливым и корректным! Да к тому же передача очень популярна у радиослушателей! Убери этого Вайгельмана, будут ли слушать эту программу так?

Придётся мириться!

Кутько поморщился и внимательно посмотрел на головастика Вайгельмана. Гидон улыбнулся и повторил вопрос:

— Так что на счёт сегодняшнего прямого эфира? У меня в студии?

Кутько вновь вздохнул. Идти на эфир сегодня ему не хотелось. Гидон будет наверняка задавать какие-то острые вопросы. А это сейчас неуместно. Перед съездом партии, нужно быть

осторожным. И вообще пока исключить какие-либо заявления и размышления. Пока. После съезда станет понятно – какие лозунги и тезисы говорить. А пока. Зачем? Нужно быть осторожным. Нужно! Но отказаться? Признать, что ты не можешь пока говорить?

НЕТ это не в правилах Кутько!

Как говорил его отец – не знаешь, что делать с вопросом еврея? – делай как делает сам еврей! Задай ему свой вопрос и смени тему! С евреем жить по-еврейски выть! Мудрый был отец.

Кутько судорожно стал соображать, что спросить у этого обнаглевшего, хотя и вроде вежливого, но столь досужего и навязчивого Гидона? Первый Секретарь ещё раз обвёл взглядом Вайгельмана.

Модные наверняка импортные полуботиночки. Узкие брючки. Куртка на меху. Тоже наверняка буржуйская. Это вызывающий длинный шарф вокруг тощей шеи… Злые и хитрые глаза. Крючковатый нос. Но голова! Его чертова причёска! Как у какого-то рок-певца из запрещённой буржуазной группы! Голова! Она реально большая! Эта шевелюра! Копна мелкой шерсти!

Есть! Понял! Кутько даже чуть не взвизгнул, от радости – идея как перебить тему!

— Гидон… э-э-э…

— Гидон Менделевич! Мендель! Моего отца звали Мендель! Это форма имени Менахем! Но на идиш она звучит лучше! Мендель в переводе на русский значит утешитель! Мендель - значит может принести спокойствие! Мой отец приносил спокойствие всем! Не только своей семье! Его звали Мендель! А я Гидон Менделевич!

Кутько вновь вздохнул. Сам чёрт не выговорит эти их имена и отчества. Гидон… да ещё и Менделевич!

— Гидон…. Менделевич! Э-э-э. Сегодня не получится вечером! Занят! Вы же знаете, что я всегда только за! Но тут надо планировать заранее!

Гидон уже было что-то вновь спросить, но Кутько не дал ему это сделать. Он сам нанес удар первым:

— Кстати, Гидон… э-э-э… Менделевич! Почему вы без шапки? Почему? На улице сегодня минус тридцать шесть! Сибирь! Это не шутка! И потом такой внешней вид, ну как бы вам намекнуть немного напрягает людей! Почему вы без шапки?

В глазах Гидона мелькнул огонёк обиды и злости. Но тут же потух. И хитрое пламя азарта пеной заволокло зрачки. Он вздохнул и ответил:

— Так не могу купить шапки. Для себя. Вот и отращиваю волосы и хожу так сказать с природной шапкой! – Вайгельман ехидно улыбнулся.

Кутько нахмурился:

— Что значит нет? У нас что промышленность лёгкая перестала зимние шапки выпускать? Полные магазины товара – уверен! Нужной просто пройтись и выбрать себе по вкусу!

Гидон недобро рассмеялся:

— Выбрать по вкусу. Вот и не получается. Понимаете, уважаемый Арнольд Евграфович, не получается, ну, во-первых, вы же видите не стандартный размер моей головы. Шестьдесят пять. Эта максимум! Папа и природа подарили мне такую большую черепную коробку. Благо, что Бог заполнил её немного мозгами. Ха-ха. А второе, ну невозможно в наших магазинах выбрать нормальной шапки! Невозможно! Если и есть такого размера, то это очень плохая продукция! Выходить в ней в люди просто стыдно! Некоторые шутят: это шапки из искусственной Чебурашки! Облезлые и невзрачные! Вот поэтому то я и хожу без шапки. Даже в такой мороз. Кстати у вас я смотрю хорошая норковая заводская шапка. В такой я бы тоже ходил. Но где мне такую взять?

Кутько окончательно нахмурился. Этот «Гидон-бидон» был прав. В магазинах купить шапку из норки, или даже ондатры было не реально. Это спец товар. Он сразу уходил на склад к

торгашам, либо продавался по чёрной завышенной цене, либо распределялся среди «блатных» своих людей и начальства. «Гидон-бидон» прав. Прям правду матку режет.

Кутько надул щеки и попутался улыбнуться. Нужно было что-то ответит. Отрицать дефицит – смешно.

— Да, к сожалению, Гидон Менделевич вы правы. Есть такая проблема. Но она решаема. Кстати, хотите я сам решу вашу проблему? Из какого меха вы хотите шапку?

Гидон улыбнулся и пожал плечами. Развёл руками и ответил немного растеряно:

— Да если честно, я даже не задумывался, ну что-то солидное хотелось бы. Конечно. Только вряд ли вы найдёте что-то для меня. Даже на вещевом рынке не шьют таких размеров. Да и если честно, что Первый Секретарь Крайкома будет решать проблему – в чем ходить ведущему в радио? Это же как-то мелковато.

— Ну не скажите! Во-первых: простой человек это не мелко. Все политика партии и правительства направлена именно на то, что именно простой советский человек мог чувствовать себя комфортно и не испытывать трудностей. Для этого мы и работаем! А во-вторых! Не надо недооценивать себя! Мы то вас ценим Гидон Менделевич! Вы популярный радио ведущий, известный в крае журналист! Хорошая программа! Многие её слушают! Вот подхватите менингит? Кому от этого легче? Потеряем ведущего! Всем плохо! Вы тоже не только себе принадлежите так сказать!

Кутько словно лил мёд на уши этого головастика. Тот ухмылялся. Первый секретарь видел, что его еврейская натура хоть и сопротивляется, но не против все же услышать и такую лесть.

«Украинец родился – еврей заплакал!». Поговорка конечно обидная, но в точку.

— Честно говоря, не знаю. Спасибо конечно за заботу. И все же. Я о своём. О работе. Когда вас можно ждать в эфир?

— Давайте так. Я завтра улетаю в Москву. Прилетаю послезавтра. У нас будет вечером торжественный небольшой банкет с делегацией, которая поедет на съезд партии в Москву! В крайкомовской столовой. Вечером. Это традиция. Послушаем делегатов. Я пару речей напутственных скажу. Ну и там все пожелания. В общем обменяемся мнениями с партхозактивом перед съездом! Вот на это мероприятия я вас и приглашаю! Ну а на нем и решим по срокам эфира. Приходите. Вернее, я вас настойчиво убеждаю прийти! Кстати придете уже в новой шапке! Это я вам обещаю!

Гидон пожал плечами. Далась ему эта чертова шапка?! И все же приглашение было очень заманчивым. Вайгельман обрадовался.

— Хорошо Арнольд Евграфович. Буду обязательно. А с шапкой. Да не надо. Честно говоря, мне и так удобно. И не заболею я. Я так всю зиму проходил. Говорят, прогноз хороший. На следующей неделе потеплеет!

— Ну вот и договорились! Послезавтра! А насчёт шапки, я уж сам решу! И что бы встретил меня в аэропорту в новой шапке! Слышишь! В аэропорт приезжайте в новой шапке! И что бы вид человеческий был! Как у нормального жителя Сибири! А не эта кудлатая Анжела Девис, прости… — Кутько осёкся.

Сказать слово «Господи» не решился. Первый коммунист края не должен говорить «господи»! Он же атеист! Он же ленинец! Почему все время на уста лезит это «слово паразит»: «Господи»?!

Первый секретарь как-то картинно погрозил Вайгельману пальчиком – словно маленькому мальчику и добавил:

— Я очень буду огорчен если вы не встретите меня в аэропорту без шапки! И ни на какое интервью в студию к вам не приду! До свидания! – Кутько по-дружески хлопнул Вайгельмана по плечу и зашагал вниз по лестнице.

Гидон остался стоять и смотреть в след высокому начальнику. Он крикнул ему вслед:

— Я обязательно буду! Про шапку не обещаю, но в аэропорту буду!

Кутько не откликнулся. Он как-то нелепо опускался вниз по ступеням. К ногам.

Гидон улыбнулся. Он понял, что Первый секретарь немного побаивается его, хотя и строжиться. Вида конечно не показывает. Но, тревожно ему при общении. А это значит, что за боязнью стоит и уважение. Уважение можно получить только через боязнь человека! А что бы он стал бояться его надо заставить это делать!

***

Гидон Менделевич Вайгельман был человеком упрямым от рождения. Где-то лет в семь он осознал, что значит быть евреем в этой стране. Перед самой войной он первый раз услышал в свой адрес слово: «жидёнок»!

Сначала Гидон даже не понял, что оно означает. Ему показалось, что «жидёнок» это производное от слова «жадный». Мол жадный он – Гидон Вайгельман!

Но ведь это было не так!

Всем своим друзьям по двору – Гидон ни в чем не отказывал! Делился, иногда хлебом. Иногда даже разными вкусностями. А иногда и карманными деньгами на различные детские развлечения. Они жили с родителями в одном из еврейских квартальчиков Одессы. Конечно окружали его такие же еврейские девчонки и мальчишками. Это, была особая аура общения. Но иногда они выходили за пределы двора, где сталкивались с детьми другой национальности. Русскими, болгарами, украинцами, румынами и молдаванами - населявшими предвоенную родную для него Одессу. Вот от них то Гидон первый раз и услышал это непонятное и обидное слово: «жидёнок».

Вечером за ужином Гидон спросил у своего отца – Менделя Гидона, что это значит. Отец тяжело вздохнул, ничего не ответил и лишь погладив его по голове, тихо произнёс:

— Когда ты вырастешь мой мальчик, тебе всё-таки придётся поменять имя и фамилию. В этой стране жить с фамилией Вайгельман будет жить очень трудно…

Гидон задумался. Он тогда не понял этих слов. Но в дальнейшем смысл отцовской тирады до него дошёл. И уже лет в четырнадцать, когда кончилась война и Гидон решал куда он поступит после школы – он сам себе дал зарок – во что бы то ни стало с гордостью пронести через всю жизнь свои имя и фамилию!

ГИДОН ВАЙГЕЛЬМАН будет звучать гордо – несмотря ни на что! Потому что это красивые имя и фамилия!

Вайдельман, с идиша переводится как «продавец бубликов». Фамилия Вайгельман произошла от слова «бейгель», которое означает бублик. Ман - означает человек. Не очень мужественно. «Продавец бубликов» не может быть грозой авторитетов! Дворовых и прочих! Но!

Он решил, что именно продавец бубликов станет таковым!

Ведь у него есть ещё и имя! ГИДОН!

А это вам не продавец бубликов! «Гидон» означает «могучий воин», «рубящий». Гидон в Торе — один из судей Израиля и военачальник, победивший мидьянитян! А это вам не какой-то кондитер! Так что Гидон Вайгельман ещё докажет всем – красоту своего имени и фамилии!

Гидон лет в шестнадцать осознал, что его родители с именем точно не ошиблись. Он дрался и спорил со всеми, кто считал его никчёмным «низшим существом», второсортным человеком. Дрался со всеми и никому не проигрывал! Да он получал шишки и синяки. Ему разбивали нос и ломали ребра! Но Гидон не перед кем не сдавался! Он был упрямым и храбрым! Воин! Смелый и решительный! Гидон! Но откуда его родители могли знать, что назвать мальчика нужно именно – так? С такой-то фамилией как «продавец бубликов». Хотя его отец был очень добрым человеком. По-еврейски хитрым, но добрым. Не желавшим вступать не в какие конфликты. Не желавшим даже видеть и слышать о насилии и даже не то что о насилии,

а о негативном! Вот такой был это еврейский мужчина – всю жизнь шивший одежду! Настоящий портной! Еврейский одесский портной! Это звучало как знак качества до войны!

Войну они пережили не особо трудно. Тогда Гидон для себя начал открывать политику. Когда Красная армия стала родной город и в него вошли сначала немцы, а затем и румыны с итальянцами, жизнь изменилась. Причём как не странно в лучшую сторону! Это был какой-то страшный парадокс! Сталинская Одесса вдруг стала совсем другим городом!

Гидон осознал горькую правду тех событий лета 1941. В условиях суматохи, неразберихи, паники, растерянности и неопытности командиров, постоянных артиллерийских обстрелов со стороны наступающих немцев не всем воинским частям Красной армии, оборонявшим город, нашлось место на кораблях Черноморского флота. Ходили страшные слухи - якобы многие советские командиры, спасая собственную жизнь, попросту бросили своих подчинённых на произвол судьбы, а сами успели уплыть на последнем транспорте. Но это были слухи. И говорить о них в слух было опасно! Мало ли чего!

Но говорят некоторые нелицеприятные моменты отступления якобы видели гражданские жители Одессы. Это говорят видели женщины и дети!

Рядовые красноармейцы, оставшись без командиров и не имея никакого боевого опыта и никаких приказов, разбрелись небольшими группами кто куда. Несколько недель красноармейцы прятались в подсолнухах, кукурузных полях, небольших перелесках, и даже в нерубайских катакомбах под Одессой. Мальчишки в том числе и Гидон носили им хлеб и воду. Но вскоре все тало ещё хуже. После того, как фронт отошёл подальше на восток, а на занятой территории остались только румынские войска, большинство брошенных на произвол судьбы красноармейцев, начали постепенно возвращаться домой в семьи в Одессе. Затем эти горемыки должны были зарегистрироваться в местной оккупационной администрации и работать на принудительных работах на полях и фермах «возрождённого» румынами довоенного колхоза. Все это своими глазами видел Гидон! Это был какой-то позор советской власти!

Потому что происходило дальше в оккупированной Одессе очень впало в душу маленького Гидона!

Одним из первых «гражданских» мероприятий оккупационной власти стало изымание советских денег из обращения. Вместо них в обиход вошли немецкие марки: Reihkreditkassenscheine. В Одессе надвигающееся полное исчезновение рубля быстро обрастало слухами. Ведь жизнь то продолжается при любой власти, одеваться и кушать всегда надо! Вот и отец стал шить одежду за марки. А что делать? Нужно было кормить семью. Но особый страх был именно за отца. Пожилой еврей при оккупантах румынах и немцах – это почти смертный приговор для его семьи! Говорят немцы просто уничтожали евреев за то что они евреи!

Но! Произошло чудо!

Немецкие нацисты к счастью еврейского населения города - отдали Одессу под управление румынским войскам. Король Михай скорее всего добился этого у Гитлера. Это была скорее всего месть СССР - за то что он «отобрал» в 1940 году у Румынии Бессарабию! Хотя официально это было освобождение и добровольное присоединение к Советскому Союзу! Операция по занятию «спорных территорий» Красной армией началась 28 июня 1940 года и продлилась 6 дней. Немногим позднее — 2 августа 1940 была образована Молдавская ССР со столицей в Кишинёве (до этого город находился в Бессарабии), были основаны Черновицкая и Аккерманская области УССР, а в состав Одесской области было включено пять районов, ранее входивших в состав Молдавской АССР

И румыны хотели реванша в 1941! Взять своё! И немецкие нацисты уступили. И это, наверное, спасло многих одесских евреев!

Территорию между Днестром и Бугом на южной части Украины – Буковина, Одесская и Измаильская области, а также юг Винницкой и запад Николаевской области – были отданы

Румынии и названы «Транснистрия». На этой территории была установлена оккупационная администрация, созданы румынские органы власти. Из Румынии прибыли тысячи гражданских и военных чиновников, полицейских и жандармов. Столицей «Транснистрии» и стала Одесса, где и размещался весь чиновничий аппарат этой новой румынской провинции, а городской головой Одессы был назначен некий Герман Пынтя. Весьма колоритная, между прочим, личность. Он прекрасно знал русский язык, служил в царской армии и дослужился до чина поручика. Юность свою провёл в Одессе, учился в Новороссийском университете. И жизнь при нем не была уж такой мрачной и страшной!

Сталинская пропаганда, трубящая о «неминуемых победах» – вскоре заставила одесситов усомниться, что освобождение придёт в ближайшее время. Город жил, развивался, а одесситы, стойко перенося чужое правление, продолжали жениться, разводиться и заводить любовников, одесситки регулярно рожали, а их мужья ходили на футбол. При этом все 907 дней оккупации заводы и фабрики продолжали выпускать продукцию, работали театры, магазины и базары, на улицах звенели трамвайные трели, а горожане, особенно летом, даже умудрялись… отдыхать.

Лето 1942 в город пришло с долгожданным теплом. Вместе с лучами солнца, заливавшими дома и улицы, над Одессой стояли неуловимые ароматы быстро нагревшейся земли, созревшей черешни и вишни, занесённые с садов Ближних Мельниц и Слободки. Словом, над городом витало то тонкое, еле уловимое благоухание, которое, пресыщая и переполняя воздух, носится только в начале июня и только в Причерноморье. Горожане, устав от холодов затянувшейся весны и невзгод, принесённых в их дома войной, в отличие от первых месяцев румынского правления, заполнили улицы Одессы, где переполненные товарами магазины, блистали витринами, на которых портреты короля Михая I и Антонеску мирно соседствовали с фотографиями западных кинозвёзд и даже некоторых советских артистов. При этом, с наступлением тепла в город возвращается, казалось бы, уже забытое слово "мода", тонкости которой в те дни задавали наводнившие Одессу румынки. Всё, от фасонов бухарестских шляпок и до оттенков помад, входивших и тогда в ежедневный обиход любой женщины, быстро бралось на вооружение одесситками. И большинство из них, уже к началу лета, сменив надоевшие серые чулки на прозрачные или телесного цвета и надев платья ярко-синих и розовых тонов, на улицах явно не уступали заезжим красавицам.

У отца Гидона – Менделя Вайгельмана появилось множество заказов! Целый вал! Старший Вайгельман не успевал шить одежду! Это было какое-то чудо! Семью пришёл неожиданный достаток!

Сама же жизнь оккупированной Одессы практически ничем не напоминала тогда о продолжающейся войне. Мирному населению разрешалось свободное передвижение по улицам с пяти утра до одиннадцати вечера, театральные представления в те дни начинались в шесть вечера, а рестораны и кафе стали закрываться только в пол одиннадцатого. При этом на центральных улицах шло активное восстановление разрушенных домов, асфальтирование мостовых и тротуаров!

Да в это было невозможно поверить! Но это было! Кстати на восстановление родной Одессы с горожан взимался подоходный налог, но и тут румыны проявили чудо благоразумия! Налог только с тех, у кого ежемесячный доход превышал 30 марок. Менбель Вайгельман исправно платил в казну этот налог!

Гидон хорошо запомнил, как отец пришёл вечером с какой-то бумагой и за ужином зачитал приказ губернатора:

"… Запрещается на территории Губернаторства после 23.00 громко и публично распевать песни, особенно имеющие характер коммунистической пропаганды. Виновные будут подвергнуты принудительным работам…"

Но петь советские песни вовсе не хотелось. По крайней мере в их семье.

При этом город, практически залечив нанесённые войной раны, постепенно стал преображаться. В общем двадцати двух лет советской власти – как будто и не было! Родная Одесса приобрела какой-то буржуазный лоск! Люди стал выглядеть по-другому!

Они стали больше улыбаться…

Все это замечал маленький Гидон. И все это запала ему в душу!

Ну, а потом, потом пошло все в обратном порядке. Немцы стали отступать. Разгром румынской армии под Сталинградом и возвращение Красной Армии.

Гидон очень хорошо помнил свои детские ощущения от солдат. От их внешнего вида.

Сначала он запомнил красноармейцев в неопрятной мятой форме. Без погон. В обёртках на ногах вместо сапог. Хмурые лица. Какое-то голодранцы. Нет военного лоска! А потом, потом пришли немцы и румыны! Их офицеры были просто красавцы! Яловые хрустящие сапоги! Форма с иголочки! Выправка! Нет. Это настоящие вояки – казалось маленькому Гидону! Куда там против них этим оборванцам из Рабоче Крестьянской Красной Армии?

Но «оборванцы» вернулись! Через девятьсот дней! Почти через три года! Они пришли назад! Это было в апреле 1944. В почти опустевший город вошли советские войска.

И началось!

Буквально за месяц Одесса вновь стала обычным «советским городом». Пропал буржуазный лоск. Вернулся дефицит еды и вещей и страх… да-да!

Страх!

И вернулся он не напрасно! Начались аресты. Обыски. Чистки. Лютовали СМЕРШ и НКВД. Каждого взрослого одесского еврея, прошедшего оккупацию – непременно вызывали на допрос. И не все возвращались назад в семью. Люди стали бесследно пропадать. По городу поползли слухи. Ужас и отчаянье! Гидон помнил, как они тряслись по вечерам! Искали шпионов и предателей!

Но это время пришло! Вернее, пришли и за отцом! Менделя Вайгельмана увели вечером. Два здоровенных солдата с красными погонами и синими фуражками войск НКВД… забрали из дома под дулами автоматов ППШ. Больше своего отца Гидон никогда не видел…

Ну, а потом пришла очередь их с матерью. Появился какой-то странный человек в полувоенной форме и выдал бумагу под роспись матери. Когда та прочитала государственную депешу – разрыдалась. Им с сыном предписывалось в 24 часа с самыми необходимыми вещами прибыть на товарную станцию железнодорожного вокзала Одессы.

Все стало понятно. Их депортируют. Сошлют в Сибирь, или Казахстан! Тогда это странное слово Гидон не понимал. Он лишь каким тот детским чутьём улавливал: депортация – это очень плохо. И может даже больно.

Они собрали с матерью все что смогли нести в руках и поплелись ранним утром в сторону вокзала. Соседи по двору провожали их молча со слезами на глазах. Каждый из них мысленно уже представлял себя на их месте. Кстати многие потом оказались на их месте.

Вернувшаяся советская власть мстила всем – кто остался на оккупированной территории. Мстила больно и жестоко. Как будто это власть понимала, что она сама подло и безвольно бросила этих людей под оккупацию, а теперь пытается сама же наказать за свои ошибки. Если выяснялось, что человек оставшийся на оккупированной территории хоть как-то сотрудничал с румынами или немцами – всё! Однозначно если не лагерь в ГУЛАГе, то депортация точно! Ссылка! Под понятием «сотрудничество» понимался любой официальный контакт. Устроился ты на работу к румынам – враг! Шьешь одежду румынам – враг! Подметаешь улицу румынам – враг! Пустил на постой румынских солдат или офицеров в своё жильё – враг! Стираешь им белье – враг! Короче под «не врагов» попадало довольно маленькое число народа – из всей массы населения оставшийся в Одессе на время оккупации. Но отыграться решили на нацио-

нальных меньшинствах! Болгарах, румынах, цыганах, молдаванах и конечно же евреях! Их в первую очередь обвинили в сотрудничестве с фашисткой Румынией! Интересно, что русские и украинцы почти не пострадали, хотя их огромное количество тоже работало на румынскую администрацию. Будто по-другому выжить было можно за эти 900 дней отсутствия советской власти в Одессе. Но крайними сделали евреев… Практически половина мужского населения Одессы так или иначе подверглась репрессиям! Ну и конечно их семьи.

Семья Вайгельмана получила ссылку в Красноярский край. Их повезли в Сибирь на далёкую и богом забытую станцию Решоты. Там находилось много лагерей и поселений ГУЛАГА. Там предстояла Гидону провести следующие 7 лет своей жизни!

Ехали они долго! Через всю страну! Ехали в товарной теплушке почти три недели! Благо было уже тепло и от холода никто не умирал. Но вот от голода… на крупных станциях регулярно снимали мешки с трупами. Дети старики и старухи не выдерживали такой дороги.

Заключённые и ссыльные прибывали на станцию Решоты в Нижней Пойме, а затем переправлялись на работы в поселение. В лагере находились финны, литовцы, калмыки, украинцы и зэки других национальностей. Из лагеря периодически совершались побеги, некоторые заключённые этапировались в другие лагеря, затем возвращались.

Мать и сын Вайгельман в принципе не плохо устроились. Им дали место в теплом бараке на окраине посёлка, а маме Гидона удалось устроиться уборщицей в здание управления НКВД по распределению прибывающего контингента. Она мыла полы и немного помогала местной секретарши составлять грамотно документы. В общем смерть от голода и холода от них отступила. Жили конечно впроголодь. Той пайки, что была положена жене и сыну врага народа – едва хватало что бы поддерживать активность и жизнь. Гидон ходил как не странно в простую школу для обычных детей – не только переселенцев и ссыльных. По вечерам он подрабатывал за еду – пилил и колол дрова у местных солдаток – так называли одиноких тёток, у которых мужья погибли на фронте и хозяйство, которым было трудно вести. Одна такая тридцатилетняя вдова с двумя маленькими детьми пригрела еврейского парнишку. Подкармливала его.

Звали вдовушку – Ольга. Гидон называл ее тетя Оля. Она была высокая и немного полноватая женщина с большой грудью и широкой попой. Красивое русское лицо и не сходящая какая-то с уст грустная улыбка. Гидон полюбил Ольгу как родную тётю. И детей её полюбил. Детей звали Ванька и Дашка. Но потом случилось такое, что заставило Гидона навсегда порвать с этой семьёй.

Незаметно пошло четыре года их ссылки. Гидон из несуразного маленького еврея с рахитным тельцем от недоедания и большой, какой-то несуразно большой головой – превратился в юношу. Конечно красавцем он не был! Но мужские черты начала вырисовываться в Гидоне Вайгельмане уже в 15 лет. Он стал жилистым и мускулистым хотя и тощим. Над губой пробились усики. Голос огрубел. Ольга всё чаще, как стал замечать Гидон, трепала его по голове и нередко щупала его мышцы на руках. Сначала Гидон не придавал этому значения. Но однажды… однажды в субботу она попросила его протопить баню. Гидон наколол дров и затопил печку. Сидя в предбаннике он рылся в старых газетах, которые лежали в углу. Бумага шла на растопку. Именно тут втихаря, как казалось самому Гидону – он мстил товарищу Сталину и его соратникам! Регулярно газеты с их портретами он отправлял в топку! Жёг! Ему казалось – это хоть какая-то месть за его замученного отца. За любимого человека – который канул в пучине ГУЛАГА без всяких весточек и сообщений о его судьбе. Жечь портреты вождя и членов правительства уже было уголовной политической статей! Если бы кто-то узнал и донёс – Гидон мог повторить судьбу отца. Но Гидон не боялся. Напротив, какие-то упорная наглость и бесстрашие заставляло его это делать. Он мял изображения Сталина, Молотова, Берии и других кремлёвских небожителей и с наслаждением смотрел как они горят в топке искажённые всепоглощающим огнём банной печи!

Неожиданно скрипнула дверь. В помещение вошла Ольга. Она была в полушубки и валенках. Гидон сначала не обратил внимания. Ольга зашла, закрыла дверь на засов, скинула полушубок и тут Гидон увидел, что она совершено голая! На ней не было ничего кроме валенок! Ольга стояла и смотрела на Вайгельмана сверху вниз – лукаво улыбаясь. Затем она подошла взяла обомлевшего Гидона за руку и завела его в парилку. Там Гидон просто потерял дыхание и разум от возбуждения и волнения. Он был как в тумане. А Ольга тем временем деловито сняла с него штаны, рубаху, трусы и повалила на полок. Потом она сделала из мальчика мужчину. Деловито, с каким-то изуверским бабьим наслаждением. Размеренно и с чувством, она скакала на нем, как на молодом коне – при этом стонала низким голосом и закатывала глаза. Потом она заставила Гидона лечь на нее и всё повторить. Он повиновался. Он словно не принадлежал себе. Какое-то животное чувство размножения охватило его разум. А когда все кончилось… он ещё долго лежал на лавке и смотрел, как Ольга моется и окатывает себя из жестяного тазика водой. Она то и дело оборачивалась и подмигивала Гидону.

Гидон после этого бежал домой как из немецкого плена бежит узник концлагеря. Он не спал всю ночь и практически не разговаривал с матерью и друзьями два дня. Но потом немного отошёл. К Ольге он идти боялся… и все же через неделю пришёл. Она встретила его ласково. Улыбнулась, накормила и прогнав детей из избы … расправила свою кровать. Деловито разделась и повалившись на пуховую перину приказала ему тоже раздеться. Гидон вновь обомлел. Он вновь не принадлежал себе. На этот раз они провели бурный час скрипя кроватью и буровя пухлый матрас своими телами. И вновь Гидон бежал домой испуганным. Но через неделю вновь повторилось все тоже самое. Ольга раз в неделю использовала его как любовника. Через два месяца Гидон вдруг понял - что это неправильно! Это как-то по животному, вот так, взрослой женщине заниматься «этим» с юношей! Он попытался поговорить с Ольгой. НО!

Только заикнулся, но в ответ услышал какой-то ужас.

— Ты что ж думаешь Гидон, я зря тебя все эти годы прикармливала? Нужно было мне вот возле себя жидёнка держать, чтобы на него хлеб и харчи тратить – отнимая их у своих детишек? Гидон! Ты же должен меня понять. Я здоровая баба! Мужика у меня не будет! Их вон как моего, всех на войне поубивало, а кто вернулся так те - калеки или пьяницы! Я тут вон попробовала с Гришкой сторожем одноногим! Так он тюкнулся пару раз и всё! Уснул. А мне ласки надо! Больше! Ты молодец! Ты вон какой сильный, молодой, выносливый! Мне нужна эта мужская сила! Я же нежная и аккуратная, и чистая! Тебе - то, что, плохо со мной? Будешь прихоть ко мне раз в неделю. Часик проведёшь получать еды будешь. Ну и самому, что не приятно?! Тебя что я в постели не нравлюсь? Вроде все правильно делаю! Вон как ты мурлычешь и стонешь! Значит есть во мне ещё эта сила! Так что не капризничай и не начинай! Будешь приходить и делать что я скажу! А иначе…

Ужас! Что он слышит от этой женщины? Он полюбил её как свою родную тётю! А она сделал из него «мальчика для утех»! Ужас! И потом это обидное: «жидёнок»! Опять как из детства? Жидёнок? Он вновь жидёнок? Неужели она?

Гидон вспыхнул ненавистью:

— Что иначе?! Выгонишь? Как жидёнка?

— Тю?!!! Ты обиделся что я тебя жидёнком обозвала? Так это я ласково. Без зла. Если ты жидёнком родился? Что стесняться - то? Ну если тебе это не приятно! Ладно, больше никогда так не назову. Я же не со зла, прости Гидоша!

— Запомни! Я еврей! Зовут меня Гидон Вайгельман! Это красивое гордое имя дал мне отец! Я не жид! Есть такая национальность - еврей! И еще… твой муж который погиб, защищая Родину тоже с фашистами воевал, так вот они тоже евреев - жидами называли! А это значит, что ты и есть фашистка! Видеть тебя больше не хочу!

Гидон повернулся и вышел из избы – громко хлопнув дверью.

Больше они с Ольгой не разговаривали и почти не виделись. Нет, конечно он встречал её пару раз в районе железнодорожной станции, но завидев её силуэт – старался перебежать на другую строну улицы или скрыться вовсе.

Ну а потом, потом Гидон закончил школу. И встал вопрос что делать дальше? На дворе 1952 год. Идти в армию? Гидон почему-то не сильно хотел. Вспоминая этих солдат больше похожих на голодранцев – в неопрятной форме. Вечно голодных и запуганных, он почему-то считал то они не сильно отличаются от зэков из ГУЛАГА. Нет конечно были солдаты войск НКВД! На них Гидон тоже насмотрелся! Это были холеные здоровяки с красными погонами! Элита так сказать! Конвойные! Но идти служить в ВОХРы Гидон вообще не хотел. Значит придётся скорее всего служить каким в обычных войсках. Да и зачем это? Нет! Гидон рождён для другого! Кстати в последние три года Гидон увлёкся литературой. В свободное время ходил в местную небольшую библиотеку. Почитал – как шутила тётя Клава – библиотекарь «почти всю периодику и все книги библиотеки!».

Гидону нравилось читать! И ещё ему нравилось писать. Маленькие заметки. Рассказики. Гидон это делал скрытно. В обычной тетради. Прятал её в сарае. Иногда заталкивал под наволочку в подушку. В общем Гидон понимал, что хочет заниматься именно этим!

Когда он получил аттестат после окончания школы, то пришёл домой и заплаканной матери торжественно объявил:

— Я уезжаю в Ленинград!

Мать была в ужасе. Испуг и недоверие засветились в её глазах. По щекам катились слезы. Она что-то невнятно шептала. Губы шевелились нот не издавали звуки. Гидону было очень жаль маму. Он сам чуть не расплакался, но тем не менее проявил жёсткость и повторил:

— Мама, я уезжаю поступать в Ленинград! Я поступаю на филологическое отделение!

— Как ты поедешь сынок? Ты же ссыльный и…

Гидон внимательно посмотрел на мать и ухмыльнулся:

— Ты хотела сказать, что я еврей? Это?

Мама стыдливо опустила глаза.

— Вот именно поэтому я и поеду! Именно потому что я еврей! И зовут меня Гидон Вайгельман! Это гордо!

— Не в этой стране сынок… – прошептала мать.

— Мы сами согласны, что с нами вот так поступают… но я хочу это прекратить и доказать, что вокруг много нормальных людей, которые не обращают внимание – какой ты национальности! Их много! И вообще у нас советская власть, у нас интернационализм!

— Сынок, ты не на митинге и не на собрании.

— Да, мам, я не на митинге. Я так думаю! И буду думать!

— Сынок, ты сын врага народа! Какой тебе институт?

— Дети за отцов не отвечают! Помнишь кто это сказал?

— Помню сынок, я помню, что они сделали с твоим отцом. Ты ссыльный сынок.

— Мама! Прекрати! Все решено! Я еду! А то что я ссыльный… так мы прекрасно с тобой знаем, что ссылка наша кончилась ещё два года назад. Ты получила документы. Об этом. Но мне не показала. Что бы я думал, что нужно все время остаться с тобой. Мама, я тебя очень люблю, но я должен идти по жизни дальше!

Больше мама ему ничего не сказала. Она заплакала и отвернулась. А он… он собрал вещи и уехал. Да. Сел на поезд и поехал в далёкий Ленинград! В город революций!

Ленинград как не странно встретил его довольно дружелюбно. Ему удалось подать документы на поступление на филологический факультет ЛГУ. Правда жить пришлось на вокзале. Вернее, ночевать. Днём Гидон если не готовился к экзаменам, бродил по голоду на Неве, смотрел на памятники, мосты, дома и мечтал о будущем! Будущее рисовалось очень перспективным.

НО!

НО его ждало разочарование. Поступить ему не удалось. Не хватило одного балла. Гидон немного запаниковал. Осенью открылась перспектива стать солдатом. А это ужасно не хотелось… и тут ему вновь повезло. Он встретил смешного старичка – Эйтана Леонидовича Фурца. Старичок - еврей и стал его спасательным кругом. Эйтан работал сторожем в архиве университета и пригрел неудачного абитуриента – сжалившись над соплеменником. Он разрешал ему ночевать в его комнате в коммуналке. А потом помог устроиться кочегаром в одну из котельных города. Там же потом Гидон и жил свободный от смен. Кидал уголь и читал книги. Пришла осень, а в армию его не … забрали. Да и как его могли забрать? Он жил на каком-то полулегальном положении, поэтому и повестку ему никто не принёс. В Военкомате он на учёте не состоял – хотя это уже была злостное нарушение. Но Гидон верил – все будет хорошо!

А потом, потом пришел март 1953… Гидон запомнил эти дни! Дни сумасшествия и вселенского псевдострадания. Заплаканные лица на улицах – как защитная маска. Хмурые люди. Молчащий город. Он затаился и ждал… и дождался. 5 марта все было кончено. Гудки как завывания. Серены! Грохот орудий! Сталин умер и опустошил сознания многих. Люди замкнулись в себе в тревожном ожидании перемен.

Но ничего страшного не произошло! Пришла весна! И не просто весна! А весна перемен! Гидону удалось как не странно поступить со второго раза. Он стал студентом! Получил общежитие и... жизнь покатилась по другим рельсам! Рельсам перемен!

И они начались уже в августе! Был осуждён и расстрелян «английский шпион» Лаврентий Берия. Это могущественный страшный человек, который, наверное и был повинен в пропаже и смерти его отца - Менделя Вайгельмана. Гидон учился с какой-то яростью, словно понимал, что всё пригодится! Впереди светлое будущее! Впереди новая страна! Новая без всех этих «законопаченных душ» и «запуганных мыслей». Без страшного отношения к ним евреям! Он прилежно и незабвенно окунулся в учёбу!

А потом был ещё глоток свежего воздуха! XX съезд КПСС. Секретный доклад Хрущева, который читали все – кто хотел прочитать. Его тайно распечатывали и переписывали передавили из рук в руки! Вечерами Гидон мусолил это самиздат и улыбался. Ему казалось, что ещё немного и все преобразится!

Страна станет другой!

По-настоящему социалистической и справедливой!

Он верил в это как никто!

Пять лет учёбы пролетели незаметно! Первые студенческие посиделки, бессонные ночи перед сессиями и экзаменами, первая любовь, первые пьянки и прочее – стало частью его жизни! И вот – диплом! Экзамены и он выпускник ЛГУ! Он специалист высокого профиля! Он специалист со знанием английского языка и немецкого языка! Он по-настоящему нужен стране! Он наверняка будет её достойно представлять на международной арене. Так думал Гидон! Думал! Вернее, ему так казалось, он был убежден… НО!

Его вновь спустили на землю. Когда он пошёл за распределением. Он должен был получить направление на работу! И это было вовсе не пафосно, как он думал. Вовсе не в торжественной остановке с гимном, цветами и грамотами! А в тихой нудной и немного унылой обстановке обычного кабинета с противными жёлтыми шторами на окнах. В этом самом кабинете сидел толстый человек в очках. Это был Семён Михайлович Сакович. Это мужчина лениво зевнул и протянул ему какую-то бумагу со словами:

— Вот вам направление, так сказать. Вы же вроде ссылку с матерью в Белоярском крае отбывали?

Вайгельман растерянно посмотрел на этого человека и невольно ответил:

— Да, … отбывали… а какое это имеет значение?

Сакович улыбнулся и пожал плечами:

— В принципе никакого. Просто местность вам знакомая. Поедете в Белоярск. Работать. В Сибирь. Поедете работать в местный радиокомитет. Кстати там недавно открыли и местную телестудию. Вот будете там работать. Тем более вы всё знаете…

— Что всё знаю? Не понял? Что знаю?!

— Сибирь знаете! Как там холодно и красиво! Вот что знаете, – ухмыльнулся Сакович.

— Постойте, вы что ж меня туда отправляете из-за моей биографии?!!! Из-за ссылки?! Так мы с матерью вроде реабилитированы! Мы честные люли! Мы… – Вайгельману от возмущения не хватило воздуха в легки, чтобы закончить фразу.

Сакович задумался. Стал хмурым и злым и отмахнувшись от Гидона, как от назойливой мухи, прошипел:

— Послушай меня мальчик! Ты что дурак?!!! Ты в свою анкету загляни!!! Ты в графу – пять, смотрел?! Ты имя своё произносил давно вслух?!

— Вы мне это говорите?! Вы сами… еврей… и такое… мне говорите? Как вам не стыдно?! Вы сами-то тут сидите… в Ленинграде? Почему меня… опять в ссылку?

— Послушай ты! Ты мне тут не разводи эти сопли! Начитался партийных лозунгов да секретных докладов?! Ты, что думаешь, что что-то изменилось? Дурак ты! Спасибо скажи, что Берию расстреляли. Да и папашка твой сгинул. А то бы лес пилил сейчас все ещё! Да разнорабочим был! Твой папашка кем был?! Портным в Одессе, у румын работал? А мой папашка был партийным секретарём! Чуешь разницу?!

— Что вы себе позволяете… Гидон просто обомлел от этих слов Саковича.

— Опустись на землю! И живи по правилам! Не высовывайся! Молчи и делай потихоньку своё дело. Вот и все! Езжай куда тебе предписано! И будь умным!

— Но я… я пять лет одни пятёрки, одни оценки - отлично! Как так? – Гидон чуть не разрыдался.

— А вот так! В Сибири тоже специалисты нужны? Или ты не согласен? Ты что ж считаешь, что распределение в Белоярск – это наказание?

— Нет, но... у меня просто есть мнение…

— Засунь в жопу своё мнение! Мнение у него есть… бери бумагу и езжай…

Гидон был подавлен. Не просто подавлен - он был унижен и оскорблен. Он был ошарашен и оглушён! Все мечты прахом…

Вайгельман медленно встал взял бумагу с распределением и повернувшись направился к двери. Сакович смотрел ему вслед. Гидон взялся за ручку и услышал за спиной:

— Да и ещё. Мой тебе дружеский совет Смени имя и отчество. А ещё лучше и фамилию. Жить с таким корявым ФИО в этой стране будет не сладко! Ой, как не сладко!

Гидон ухмыльнулся. Обернувшись он брезгливо посмотрел на Саковича:

— Как вы? Сменить как вы? Как вас там… Симха Михаэливич? Этих своих имя и фамилии вы стесняетесь?! Вам папа посоветовал?

Сакович налился краской и проорал:

— Пошёл вон дурак!

Гидон вышел. Он двинулся уверенным шагом. Ему хотелось побыстрей покинуть это здание. Да и вообще уехать из этого города! Скорее! Так он оказался в Белоярске.

***

Гидон пришёл на работу в хорошем настроении. В коридорах радиокомитета здоровался сов семи подряд. Обычно Вайгельман приветствия не любил, коллеги даже жаловались начальству на его грубость и безразличие. Нередко Вайгельман откровенно хамил. Нередко скабрезно шутил. Он понимал конечно, что слишком жёстко ведёт себя с окружающими, но ничего не мог с собой поделать. Ему казалось, что все вокруг его недолюбливают. Что все вокруг его

призирают и хотят уязвить его за его «полузапретную» национальность. Ему казалось, что коллеги в курилках шутят насчёт его имени и фамилии. Ему так казалось. А может это было и правдой, он не знал, но на всякий случай он вёл себя так.

Но сегодня почему-то Гидон вдруг посмотрел на окружающих по-другому. Что с ним произошло он не знал. Но после разговора с Первым секретарём и тем что он увидел и услышал от этого человека, что-то измелилось в душе Гидона. Ну почему-то захотелось здороваться с коллегами. Со всеми встречными и улыбаться. Он шёл по коридору и здоровался во всеми! Кстати эту это было очень приятно!

В кабинете его редакции сидела грузная корреспондент сельхоз отдела Нина Петрова. Здоровая русская баба с белыми крашеными волосами и яркой словно шлепок тухлой вишни – помадой на губах. Эдакая жирная Мэрилин Монро. Так по крайней мере о себе думала Нина. От неё нередко пахло навозом и деревней. На обуви виднелись пятна от коровьего говна и зелень от травы. Нина разъезжала по окрестным сельхоз хозяйствам в целях подготовки оттуда радиорепортажей. Брала интервью у колхозников и директоров совхозов.

Нина зло посмотрела на вошедшего Гидона и молча кивнула ему головой в знак приветствия. Ожидать хорошего от Вайгельмана – было за пределами её фантазии. Но в ответ пергидрольная сибирская Мэрилин, (такую кличку дали ей коллеги) услышала неожиданное:

— Здравствуй Ниночка! Ты сегодня прекрасно выглядишь! И пахнешь… – Гидон, улыбнулся.

Нина не ожидала такого и не понимала, что хочет этот человек. Обычно он только грубил, а тут. Может это какая ловушка?

— Гидон, ты что сегодня вытащил из глаз стекла снежной королевы? – пробурчала она.

— А у меня их и не было… просто сегодня вот хорошее настроение! Хорошая сибирская погодка! Хороший день! – ответил Вайгельман снимая крутку и вешая её на вешалку в углу.

— Ага, особо погода хорошая. Дубак такой! У меня дома калорифер во всю пыхтит! Батареи еле-еле тёплые! Чё хорошего?

— Ну не всегда погода зависит от настроения. Или наоборот. Еврейская мудрость!

— Ой чё то много у вас странных мудростей?

— Много, много Ниночка! Ой как много! – отмахнулся Гидон у сел за свой рабочий стол. Он пододвинул к себе телефон и уже собрался набрать номер, ка услышал от «Мэрилин»:

— Щас я тебе настроение испорчу! Иди в приемному к шефу! Председатель уже два раза сам сюда прибегал! Сам Кощей! Слышишь! Сам лично Кощей забегал и тебя спрашивал! И лицо у него было совсем не доброе! Так что ваша еврейская мудрость видно на вас евреев не всегда распространяется! Особо в Сибири! – Нина зло ухмыльнулась.

Гидон задумался. Сам председатель Краевого телерадиокомитета его ищет! Уж не по поводу его разговора с Первым Секретарем.

— Иди, кайся. Он спрашивал почему тебя нет на рабочем месте. Правда я соврала. Уж пожалела твою буйную кудрявую головушку! Сказала, что ты на интервью на завод стали и сплавов уехал. Можешь не благодарить Хотя от тебя благодарности конечно дождёшься! – обиженным голосом проворчала Нина.

— Спасибо Ниночка! Спасибо тебе! Так, я не понял, мне что сразу к председателю?

— Не зазнавайся Вайгельман! Иди сначала к директору радио эфира! Он сначала тебе пистон будет вставлять. Ну а потом уж не знаю… иди в отдел кадров писать заявление!

— Какое заявление? – не понял намека Нины Гидон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.